

Б. Н. ЧИЧЕРИН

Различные виды либерализма

Если мы прислушаемся к тому общественному говору, который раздается со всех концов России, и тайно, и явно, и в клубах, и в гостиных, и в печати, то, несмотря на разнообразие речей и направлений, мы легко заметим один общий строй, который владычествует над всем. Нет сомнения, что в настоящую минуту общественное мнение в России решительно либерально. Это не случайное направление, не легкомысленное увлечение общества. Либеральное движение вытекло из жизненной необходимости; оно порождено силою вещей. Отрицание старого порядка явилось как прямое последствие его несостоятельности. Для всех стало очевидным, что без известной доли свободы в благоустроенном государстве нельзя обойтись.

Такое явление не может не порадовать тех, кому чувство свободы глубоко врезалось в сердце, кто питал и лелеял его в тишине своих дум, в сокровенном тайнике своей души, в то время, когда оно изгонялось из общества, как возмутительное и преступное. Свобода — лучший дар, данный в удел человек, она возвышает его над остальными творениями; она делает из него существо разумное, она налагает на него нравственную печать.

В самом деле, какой поступок имеет цену в наших глазах? Какому деянию приписываем мы нравственную красоту? Не тому, которое совершается по внешнему предписанию, из страха или из слепого поклонения владычествующим силам, а тому, которое вытекло из недосыгаемой глубины совести, где человек, наедине с собою, независимый от чуждых влияний, решает, сознательно и свободно, что он считает добром и долгом.

Нравственное величие человека измеряется этой непоколебимой внутренней силой, недоступной внушениям и соблазнам, этой твердою решимостью, которая неуклонно следует свободному голосу правды, которую не сдвинут с места ни иступленные вопли толпы, ни угрозы, ни насилие, ни даже мучения. За внутреннюю свободу человека умирали христианские мученики. И мысль человеческая истекает из неизведанной глубины свободного разума. Та мысль крепка, плодотворна, способна действовать на волю и переходит в жизнь, которая не наложена и не заимствована извне, а переработалась в горниле сознания и является выражением свободных убеждений человека. Внутри сознания раскрывается бесконечный свободный мир, в котором, как в центре, отражается вселенная. Здесь человек — полновластный хозяин; здесь он судит и насилие, которое налагает на него руку, и безумие, которое хочет заглушить голос разума; здесь вырабатываются те идеи, которым суждено изменить лицо земли и сделаться путеводным началом для самых дальних поколений.

Свобода совести, свобода мысли, — вот тот жертвенник, на котором неугасимо пылает присущий человеку божественный огонь; вот источник всякой духовной силы, всякого жизненного движения, всякого разумного устройства; вот что дает человеку значение бесконечное. Все достоинство человека основано на свободе; на ней зиждутся права человеческой личности. Как свободное существо, человек гордо поднимает голову и требует к себе уважения. Вот почему, как бы низко он ни упал, в нем никогда не изглаживаются человеческие черты; нравственный закон не дозволяет смотреть на него с точки зрения пользы или вреда, которые он приносит другим.

Человек — не средство для чужих целей, он сам абсолютная цель. Свободным человек вступает и в общество. Ограничивая свою волю совместною волею других, подчиняясь гражданским обязанностям, повинаясь власти, представляющей идею общественного единства и высшего порядка, он и здесь сохраняет свое человеческое достоинство и прирожденное право на беспрепятственное проявление разумных своих сил. Общества людей — не стада бессловесных животных, которые вверяются попечению пастуха до тех пор, пока не поступают на убой. Цель человеческих союзов — благо членов, а не польза хозяина. Власть над свободными гражданами дает пастырям народов то высокое достоинство, перед которым с уважением склоняются люди, и

нет краше, нет святее этого призвания на земле, нет ничего, что бы могло наполнить сердце человека таким чувством гордости и обязанности.

Идея свободы сосредотачивает в себе все, что дает цену жизни, все, что дорого человеку. Отсюда то обаяние, которое она имеет для возвышенных душ, отсюда та неудержимая сила, с которой она охватывает в особенности молодые сердца, в которых пылает еще весь идеальный жар, отделяющий человека от земли. Глубоко несчастлив тот, чье сердце в молодости никогда не билось за свободу, кто не чувствовал в себе готовности с радостью за нее умереть. Несчастлив и тот, в ком житейская пошлость затушила это пламя, кто, становясь мужем, не сохранил уважение к мечтам своей юности» по выражению поэта:

Sagen Sie Ihm, dass er für die Träume seiner Jugend
Soll Achtung tragen, wenn er Mann sein wird*

В зрелом возрасте идея свободы очищается от легкомыслия, от увлечений, от раздражительного беспокойства, от самонадеянного отрицания, от своеволия, не признающего над собой закона, она сдерживается пониманием жизни, приноравливается к ее условиям; но она не исчезает из сердца, а напротив, глубже и глубже пускает в нем свои корни, становясь твердым началом, которое не подлежит колебаниям и спокойно управляет жизнью человека.

Целые народы чувствуют на себе это могущественное влияние этой идеи, как показывает история. Свобода внезапно объемлет своим дыханием народ, как бы пробудившегося от сна. Перед ним открывается новая жизнь. Стряхнув с себя оковы, он встает, возрожденный. Как иступленная Пифия, изрекая вещи глаголы, проповедуя горе властям земли, он с неодолимою силою низвергает все преграды и несет зажженное им пламя по всем концам мира. Но железная необходимость скоро сдерживает эти порывы и возвращает свободу к той стройной гармонии, к тому разумному порядку, к тому сознательному подчинению власти и закону, без которых немислима человеческая жизнь. Волнуясь и ропща, поток мало-помалу вступает в свое русло; но свобода не перестает бить ключом и давать свежесть и силу тем, которые приходят утолять духовную жажду у этого источника.

* Скажите ему, что он должен уважительно относиться к мечтам своей юности, если он мужчина (нем).

Мы, давнишние либералы, вскормленные на любви к свободе, радуемся новому либеральному движению в России. Но мы далеки от сочувствия всему, что говорится и делается во имя свободы. Подчас ее и не узнаешь в лице самых рьяных ее обожателей. Слишком часто насилие, нетерпимость и безумие прикрываются именем обаятельной идеи, как подземные силы, надевшие на себя доспехи олимпийской богини. Либерализм является в самых разнообразных видах, и тот, кому дорога истинная свобода, с ужасом и отвращением отступает от тех уродливых явлений, которые выдвигаются под ее знаменем.

Обозначим главные направления либерализма, которые выражаются в общественном мнении.

Низшую ступень занимает либерализм уличный. Это скорее извращение, нежели проявление свободы. Уличный либерал не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия. Он прежде всего любит шум, ему нужно волнение для волнения. Это он называет жизнью, а спокойствие и порядок кажутся ему смертью. Где слышны яростные крики, неразборчивые и неистощимые ругательства, там наверно колышется и негодует уличный либерал. Он жадно сторожит каждое буйство, он хлопает всякому беззаконию, ибо самое слово: закон, ему ненавистно. Он приходит в неистовый восторг, когда узнает, что где-нибудь произошел либеральный скандал, что случилась уличная схватка в Мадриде или Неаполе: знай наших! Но терпимости, уважения к мысли, уважения к чужому мнению, к человеческой личности, всего что составляет сущность истинной свободы и украшение жизни — от него не ожидайте. Он готов стереть с лица земли всякого, кто не разделяет его необузданных порывов. Он даже не предполагает, что чужое мнение могло явиться плодом свободной мысли» благородного чувства.

Отличительная черта уличного либерала та, что он всех своих противников считает подлецами. Низкие души понимают одни лишь подлые побуждения. Поэтому он и на средства не разборчив. Он ратует во имя свободы; но здесь не мысль, которая выступает против мысли в благородном бою, ломая копья за истину, за идею. Все вертится на личных выходках» на ругательствах; употребляются в дело бессовестные толкования, ядовитые намеки, ложь и клевета. Тут стараются не доказать, а отделать, уязвить или оплевать.

Иногда уличный либерал прикидывается джентльменом, надевает палевые перчатки и как будто готовится рассуждать. Но

при первом столкновении, он отбрасывает несвойственные ему помыслы, он входит в настоящую свою роль. Опьянелый и безумный, он хватается за все, кидает чем попало, забывая всякий стыд, потерявши всякое чувство приличия.

Уличный либерал не терпит условий, налагаемых гостинными; он чувствует себя дома только в кабаке, в грязи, которою он старается закидать всякого, кто носит чистое платье. Все должны подойти под один уровень, одинаково низкий и пошлый.

Уличный либерал питает непримиримую ненависть ко всему, что возвышается над толпою, ко всякому авторитету. Ему никогда не приходило на ум, что уважение к авторитету есть уважение к мысли, к труду, к таланту, ко всему, что даст высшее значение человеку; а может быть он именно потому и не терпит авторитета, что видит в нем те образованные силы, которые составляют гордость народа и украшение человечества.

Уличному либералу наука кажется насилием, нанесенным жизни, искусство — плодом аристократической праздности.

Чуть кто отделился от толпы, направляя свой полет в верхние области мысли, познания и деятельности, как уже в либеральных болотах слышится шипение пресмыкающихся. Презренные гады вздымают свои змеиные головы, вертят языком, и в бессильной ярости стараются излить свой яд на все, что не принадлежит к их завистливой семье.

Нет, не в злобном шипении гадов, не в пьяном задоре кулачного бойца узнаем мы черты той светлой богини, которой поклоняется человек в лучших своих помыслах, в идеальных своих стремлениях. Луч свободы никогда не проникал в это темное царство лжи, зависти и клеветы. Свобода обитает в области правды и света, и когда люди изгоняют ее из своих жилищ, она не прячется в подземные норы, но удаляется в сердца избранников, которые хранят для лучших дней драгоценный завет, добытый страданием и любовью.

Второй вид либерализма можно назвать либерализмом оппозиционным. Но, Боже мой! Какая тут представляется пестрая смесь людей! Сколько разнородных побуждений» сколько разнотипных типов — от Собакевича¹, который уверяет, что один прокурор — порядочный человек, да и тот свинья, до помещика, негодующего за отнятие крепостного права, до вельможи, впавшего в немилость и потому кинувшегося в оппозицию, пока не воссияет над ним улыбка, которая снова обратит его к власти!

Кому не знакомо это критическое настроение русского общества, этот избыток оппозиционных излияний, которые являются в столь многообразных формах:

- в виде бранчливого неудовольствия с патриархальным и невинным характером;
- в виде презрительной иронии и ядовитой усмешки, которые показывают, что критик стоит где-то далеко впереди, бесконечно выше окружающего мира;
- в виде глумления и анекдотцев, обличающих темные козни бюрократов;
- в виде неистовых нападок, при которых в одно и то же время с одинаковою яростью требуются совершенно противоположные вещи;
- в виде поэтической любви к выборному началу, к самоуправлению, к гласности;
- в виде ораторских эффектов, сопровождаемых величественными позами;
- в виде лирических жалоб, прикрывающих лень и пустоту;
- в виде беспокойного стремления говорить и суетиться, в котором так и проглядывает огорченное самолюбие, желание придать себе важности;
- в виде злорадства при всякой дурной мере, при всяком зле, постигающем отечество;
- в виде вольнолюбия, всегда готового к деспотизму, и независимости, всегда готовой ползать и поклоняться.

Не перечтешь тех бесчисленных оттенков оппозиции, которыми изумляет нас русская земля. Но мы хотим говорить не об этих жизненных проявлениях разнообразных наклонностей человека; для нас важен оппозиционный либерализм, как общее начало, как известное направление, которое коренится в свойствах человеческого духа и выражает одну из сторон или первоначальную степень свободы.

Самое умеренное и серьезное либеральное направление не может не стоять в оппозиции с тем, что нелиберально. Всякий мыслящий человек критикует те действия или меры, которые не согласны с его мнением. Иначе он отказывается от свободы суждения и становится присяжным служителем власти. Но не эту законную критику, вызванную тем или другим фактом, разумеем

мы под именем оппозиционного либерализма, а то либеральное направление, которое систематически становится в оппозицию, которое не ищет достижения каких-либо положительных требований, а наслаждается самым блеском оппозиционного положения.

В этом есть своего рода поэзия, есть чувство независимости, есть отвага, есть, наконец, возможность более увлекающей деятельности и более широкого влияния на людей, нежели какие представляются в тесном круге, начертанном обыкновенной практической жизнью. Все это невольно соблазняет человека. Прибавим, что этого рода направление усваивается гораздо легче всякого другого. Критиковать несравненно удобнее и приятнее, нежели понимать. Тут не нужно напряженной работы мысли, внимательного и отчетливого изучения существующего, разумного постижения общих жизненных начал и общественного устройства; не нужно даже действовать: достаточно говорить с увлечением и позировать с некоторым эффектом.

Оппозиционный либерализм понимает свободу с чисто отрицательной стороны. Он отрешился отданного порядка и остался при этом отрешении. Отменить, разрешить, уничтожить — вот вся его система. Дальше он не идет, да и не имеет надобности идти. Ему верхом благополучия представляется освобождение от всяких законов, от всяких стеснений. Этот идеал, неосуществимый в настоящем, он переносит в будущее, или же в давно прошедшее. В сущности, это одно и то же, ибо история, в этом воззрении, является не действительным фактом, подлежащим изучению, не жизненным процессом, из которого вытек современный порядок, а воображаемым миром, в который можно вместить все, что угодно. До настоящей же истории оппозиционный либерал не охотник. Отрицая современность, он поэтому самому отрицает и то прошедшее, которое ее произвело. Он в истории видит только игру произвола, случайности, а, пожалуй, и человеческого безумия.

К тому же настроению мысли принадлежит и поклонение неизведанным силам, лежащим в таинственной глубине народного духа. Чем известное начало дальше от существующего порядка, чем оно общее, неопределеннее, чем глубже скрывается во мгле гуманных представлений, чем более поддается произволу фантазии, тем оно дороже для оппозиционного либерализма.

Держась отрицательного направления, оппозиционный либерализм довольствуется весьма немногосложным боевым снарядами. Он подбирает себе несколько категорий, на основании которых

он судит обо всем; он сочиняет себе несколько ярлычков, которые целиком наклеивает на явления, обозначая тем похвалу или порицание. Вся общественная жизнь разбивается на два противоположные полюса, между которыми проводится непроходимая и неизменная черта. Похвалу означают ярлычки: община, мир, народ, выборное начало, самоуправление, гласность, общественное мнение и т. и.

Какие положительные факты и учреждения под этим разумеются, ведает один Бог, да и то вряд ли. Известно, что все идет как нельзя лучше, когда люди все делают сами. Только неестественное историческое развитие, да аристократические предрассудки, от которых надобно избавиться, виноваты, что мы не сами шьем себе платы, готовим себе обед, чиним экипажи. Одно возвращение к первобытному хозяйству, к первобытному самоуправлению может водворить благоденствие на земле. Этим светлым началам, царству Ормузда², противопоставляются духи тьмы, царство Аримана³. Эти мрачные демоны называются: централизация, регламентация, бюрократия, государство.

Ужас объемлет оппозиционного либерала при звуке этих слов, от которых все горе человеческому роду. Здесь опять не нужно разбирать, что под ними разумеется; к чему такой груд? Достаточно приклеить ярлычок, сказать, что это — централизация или регламентация, и дело осуждено безвозвратно. У большей части наших оппозиционных либералов весь запас мыслей и умственных сил истощается этой игрой в ярлычки.

В практической жизни оппозиционный либерализм держится тех же отрицательных правил. Первое и необходимое условие — не иметь ни малейшего соприкосновения с властью, держаться как можно дальше от нее. Это не значит однако, что следует отказываться от доходных мест и чинов. Для природы русского человека такое требование было бы слишком тяжело. Многие и многие оппозиционные либералы сидят на теплых местечках, надевают придворный мундир, делают отличную карьеру, и тем не менее считают долгом, при всяком удобном случае бранить то правительство, которому они служат, и тот порядок, которым они наслаждаются. Но чтобы независимый человек дерзнул сказать слово в пользу власти, — Боже упаси! Туг поднимется такой гвалт, что и своих не узнаешь. Это — низкопоклонство, честолюбие, продажность. Известно, что всякий порядочный человек должен непременно стоять в оппозиции и ругаться.

Затем следует план оппозиционных действий. Цель их вовсе не та, чтобы противодействовать положительному злу, чтобы практическим путем, соображаясь с возможностью добиться исправления. Оппозиция не нуждается в содержании. Все дело общественных двигателей состоит в том, чтобы агитировать, вести оппозицию, делать демонстрации и манифестации, выкидывать либеральные фокусы, устроить какую-нибудь штуку кому-нибудь в пику, подобрать статью свода законов, присвоив себе право произвольного толкования, уличить кварталного в том, что он прибил извозчика, обойти цензуру статейкою с таинственными намеками и либеральными эффектами, или еще лучше, напечатать какую-нибудь брань за границу, собирать вокруг себя недовольных всех сортов, из самых противоположных лагерей, и с ними отводить душу в невинном свирепении, в особенности же протестовать, протестовать при малейшем поводе и даже без всякого повода. Мы до протестов большие охотники. Оно, правда, совершенно бесполезно» но зато и безвредно, а между тем выражает благородное негодование и усладительно действует на огорченные сердца публики.

Оппозиция более серьезная, нежели та, которая является унас, нередко впадает в рутину оппозиционных действий и тем подрывает свой кредит и заграждает себе возможность влияния на общественные дела. Правительство всегда останется глухо к тем требованиям, которые относятся к нему чисто отрицательно, упуская из вида собственное его положение и окружающие его условия. Такого рода отношение почти всегда бывает в странах, где оппозиционная партия не имеет возможности сама сделаться правительством и приобрести практическое знакомство с значением и условиями власти. Постоянная оппозиция неизбежно делает человека узким и ограниченным. Поэтому, когда наконец открывается поприще для деятельности, предводители оппозиции нередко оказываются неспособными к правлению, а либеральная партия, по старой привычке, начинает противодействовать своим собственным вождям, как скоро они стали министрами.

Если либеральное направление не хочет ограничиваться пустословием, если оно желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно искать иных начал, начал зиждящих, положительных; оно должно приноравливаться к жизни, черпать уроки из истории; оно должно действовать, понимая условия власти, не становясь к ней в систематически

враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно, и стараясь наследовать истину хладнокровным обсуждением вопросов. Это и есть либерализм охранительный.

Свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что он несет на себе обязанности, и наоборот, от него можно требовать исполнения обязанностей единственно потому, что он имеет права. Эти два начала неразрывны. Все значение человеческой личности и вытекающих из нее прав основано на том, что человек есть существо разумно-свободное, которое носит в себе сознание верховного нравственного закона, и в силу свободной своей воли способно действовать по представлению долга. Абсолютное значение закона дает абсолютное значение и человеческой личности, его сознающей. Отнимите у человека это сознание — он становится в ряд с животными, которые повинуются влечениям и не имеют прав. К ним можно иметь привязанность, сострадание, а неуважение, потому что в них нет бесконечного элемента, составляющего достоинства человека.

Но верховный нравственный закон, идея добра, это неременное условие свободы, не остается отвлеченным началом, которое действует на совесть и которому человек может повиноваться и не повиноваться по своему усмотрению. Идея добра осуществляется во внешнем мире; она соединяет людей в общественные союзы, в которых лица связываются постоянной связью, подчиняясь положительному закону и установленной власти. Каждый человек рождается членом такого союза. Он получает в нем положительные права, которые все обязаны уважать, и положительные обязанности, за нарушение которых он подвергается наказанию. Личная его свобода, будучи неразрывно связана со свободой других, может жить только под сенью гражданского закона, повинувшись власти его охраняющей. Власть и свобода точно так же нераздельны, как нераздельны свобода и нравственный закон. А если так, то всякий гражданин, не преклоняясь безусловно перед властью, какова бы она ни была, во имя собственной свободы обязан уважать существо самой власти.

«Немного философии, — сказал Бэкон⁴, — отвращает от религии; более глубокая философия возвращает к ней». Эти слова можно применить к началу власти. Чисто отрицательное отношение к правительству, систематическая оппозиция — признак детства

политической мысли. Это первое ее пробуждение. Отрешившись от безотчетного погружения в окружающую среду, впервые почувствовав себя независимым, человек радуется необъятною радостью. Он забывает все, кроме своей свободы. Он оберегает ее жадно, как недавно обретенное сокровище, боясь потерять из нее малейшую частичку. Внешние условия и ограничения для него не существуют. Историческое развитие, установленный порядок, все это — отвергнутая старина; это — сон, который предшествовал пробуждению. Человек в себе самом видит центр вселенной и исполнен безграничного доверия к своим силам.

Но когда чувство свободы возмужало и глубоко укоренилось в сердце, когда оно утвердилось в нем незыблемо, тогда человеку нечего опасаться за свою независимость. Он не сторожит ее боязливо, потому что это — не новое, не внешнее приобретение, а самая жизнь его духа, мозг его костей. Тогда яснее раскрывается перед ним отношение этого внутреннего центра к окружающему миру. Он не отрешается от последнего в своевольном порыве, но, сохраняя бесконечную свободу мысли и непоколебимую твердость совести, он сознает связь своего внутреннего мира с внешним; он постигает зависимость своей внешней свободы от свободы других, от исторического порядка, от положительного закона, от установленной власти. История и современность не представляются ему произведением бесконечного произвола и случайности, предметом ненависти и отрицания. Уважая свободу других, он уважает и общий порядок, который вытек из свободы народного духа, из развития человеческой жизни.

За отрицанием следует примирение, за отрешением от начал, владычествующих в мире — возвращение к ним, но возвращение не бессознательное, как прежде, а разумное, основанное на постижении истинного их существа и возможности дальнейшего хода. Разумное отношение к окружающему миру составляет положительный плод и высшее проявление человеческой свободы. Оно же и необходимое условие для ее водворения в обществе.

Свобода не является среди людей, которые делают из нее предлог для шума, или орудие интриг. Неистовые крики ее прогоняют, оппозиция без содержания не в силах ее вызвать.

Свобода основывает свое жилище только там, где люди умеют ценить ее дары, где в обществе утвердились терпимость, уважение к человеку и поклонение всем высшим силам, в которых выражается свободное творчество человеческого духа.

Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть: либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием; сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий.

В действительности, государство с благоустроенным общением всегда держится сильной властью, разве когда оно склоняется к падению или подвергается временному расстройству. Но временное ослабление власти ведет к более энергическому ее восстановлению. Горький опыт научает народы, что им без сильной власти обойтись невозможно, и тогда они готовы кинуться в руки первого деспота. Опыт же обличает всю несостоятельность оппозиционного либерализма. Отсюда то обыкновенное явление, что те же самые либералы, которые в оппозиции ратовали против власти, получив правление в свои руки, становятся консерваторами. Это считается признаком двоедушия, низкопоклонства, честолюбия, отрекающегося от своих убеждений.

Все это, без сомнения, слишком часто справедливо; но тут есть и более глубокие причины, которые заставляют самого честного либерала впасть в противоречие с собою. Необходимость управлять на деле раскрывает все те условия власти, которые упускаются из вида в оппозиции. Тут недостаточно производить агитацию — надобно делать дело; нужно не разрушать, а устраивать, не противодействовать, а скреплять, и для этого требуются положительные взгляды и положительная сила.

Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции. Мне случилось по этому поводу слышать от знаменитого Бунзена⁵ следующий характеристический анекдот, который показывает, как на это смотрят государственные люди в свободных странах...

Когда О'Коннелл был выбран дублинским мэром, Бунзен, бывший тогда прусским посланником в Лондоне, спросил у сэра Роберта Пиля⁷, в то время первого министра: не беспокоит ли его этот выбор! «Совсем напротив, отвечал сэр Роберт Пиль, для усмирения демагога нет лучшего средства, как дать ему какую-нибудь власть в руки; он по необходимости становится ее защитником».

1861 г.

